



## К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ПЛАНТАТОРСКИЙ РОМАН»

А.В. Володина (Москва, Россия)

### Аннотация

В статье рассматривается традиция плантаторского романа, бытовавшая на Юге США в XIX–XX вв. Приводятся разные варианты термина «плантаторский роман», уточняется их содержание. Дается периодизация традиции согласно разным позициям: 1) период существования жанра ограничивается 1860-ми гг., т.е. существованием института рабства; 2) деление на две волны – до Гражданской войны и после. Выделяются основные этапы развития традиции: зарождение, расцвет, идеологизация, стагнация, возрождение и переосмысление. Характеризуются основные тенденции на каждом этапе, называются авторы и произведения, определявшие характер традиции. Приводятся истоки топики и определяются кодовые элементы традиции, которые, трансформируясь, повторяются на протяжении всей традиции: пространственно-временная топика (локус плантации и мифологизированное время), система персонажей (патриарх семейства, южная леди-матрона, старший сын, дочь, черные рабы / слуги, соседи, адвокат, делец), сюжетные схемы (падение южного рода, расовое смешение) и риторическая топика (устойчивые клише, например, «леди-цветок»). Доказывается, что развитие традиции плантаторского романа послужило толчком для появления плеяды авторов, опровергавших в своих произведениях южный миф.

**Ключевые слова:** *плантаторский роман, литература Старого Юга, литература Юга США, южный миф, топика.*

**Б**елые дома с колоннами, обширные плантации, мудрый патриарх-владелец и его леди-супруга, их отважные сыновья и прекрасные дочери, хлопотливые черные няни и счастливые рабы – тот образ довоенного Юга Америки, который стал расхожим благодаря книге, а в большей степени фильму «Унесенные ветром», зафиксировавшим южную мифологию. Однако этот образ появлялся на страницах романов еще за век до выхода книги М. Митчелл, хотя они и не получали такого широкого признания, – имеется в виду целый жанр «плантаторского романа». В самом общем виде плантаторский роман представляет собой корпус текстов, в которых в идиллическом ключе изображается южная плантация как модель всего американского Юга и таким образом доказывается самодостаточность южного мироустройства [6, с. 324].

Как в зарубежном, так и отечественном литературоведении не существует общепринятого термина: разные исследователи применительно к одному материалу используют варианты «плантаторская легенда», «плантаторская идиллия», «роман плантации», «плантаторская проза», «плантаторская традиция». В отечественных исследованиях широко используется термин «литература Старого Юга», однако он представляется слишком широким, поскольку, по сути, охватывает также публицистику, поэзию и фронтирную юго-западную традицию. В то же время он охватывает только предвоенный Юг, в то время как термин «плантаторский роман» обусловлен прежде всего тематикой, а не хронологией или географией – тем самым он одновременно уже и шире термина «литература Старого Юга».

Черты «плантаторского романа» могут быть представлены в разных регионах и эпохах.

Существует позиция, согласно которой к традиции плантаторского романа относится только литература предвоенного Юга. Так, Люсинда Маккитон в статье «Плантаторская литература» [17, с. 650–652] доводит традицию до Т. Диксона, но позже, в статье «Жанры южной литературы» (2004) [11], уточняет термин, ограничивая время действия плантаторского романа существованием института рабства. Все же в современном литературоведении в понятие «плантаторского романа» включается творчество писателей пореформенного Юга [18, с. 212–231]. В отечественных исследованиях термин используется в главах «Истории литературы США» Е.А. Стеценко и М.В. Тлостановой («плантаторская идиллия»), монографиях Л.А. Мишиной («плантаторская традиция»), Л.П. Башмаковой («роман плантации»), докторских диссертациях В.В. Переяшкина, О.Ю. Пановой («плантаторский роман»).

В целом можно выделить два этапа развития плантаторского романа: довоенный и послевоенный. Уильям Тейлор характеризовал эти этапы следующим образом: «Вымышленная южная плантация, которую унаследовали Элен Глазгоу, Фолкнер и другие писатели XX в., была результатом двух активных периодов литературы: с 1832-го до 1850-х (литературная энергия и Юга, и Севера была направлена на полемику) и с 1880-го до конца века. Образ южного сообщества и плантации в первом и менее богатом на публикации периоде являл собой сложный, большой и изменчивый комплекс, особенно в сравнении со вторым периодом, полным рафинированности и стереотипов, которые стали так популярны в 1880–1890-е. Литература первого периода интересна своей сложной системой и многозначностью, хотя ее авторы большей частью не отличались силой воображения или творческой оригинальностью. Если послевоенное творчество было зачастую неискренним и предсказуемым, предвоенное было в лучшем случае развлекательным и чаще всего работой полнейших дилетантов» [16, с. 148–149].

Для выявления логики развития литературной традиции необходимо подробнее остановиться на каждом этапе.

1. *Зарождение* (1820-е): по признанию многих исследователей (Р.А. Грея, С.Дж. Трейси, О.Ю. Пановой, М.В. Тлостановой), первым романом, положившим начало традиции, стал «Долина Шенандоа, или Воспоминания Грейсонов» (1824) Джорджа Такера (1775–1861), в котором кристаллизуются основные топы плантаторского романа: разорение благородной семьи как метафора падения Юга, тлетворное влияние северян, оправдание рабства, идеализация уходящей эпохи. Определяется и жанровый канон, в котором мелодраматический сюжет прерывается многочисленными быто- и нравоописательными очерками.

2. *Расцвет* традиции (1830–1840-е) ознаменовал собой прежде всего выход романа (набора скетчей, по авторскому уточнению) Дж. П. Кеннеди (1795–1870) «Суоллоу Барн» (1832), в котором отражается и иронически обыгрывается южный миф: подражание феодальному рыцарству и античности, патриархальный



уклад, идиллия. Как и в «Воспоминаниях Грейсонов», здесь используется расхожая схема, в которой чужак-северянин приезжает на плантацию и приспосабливается к местным нравам и обычаям. Однако с точки зрения формы роман Кеннеди многообразнее: помимо нраво- и бытоописательности, в нем также присутствуют многоголосие, сочетание устно-сказовой и письменной традиции.

Тема плантаторского быта в сатирическом ключе раскрывается в романе «Вперед, на Запад!» (1832) У.К. Полдинга (1778–1760) – северянина, сочувствовавшего идеям Юга. В этот же период благодаря популярности романов Вальтера Скотта происходит сращение плантаторского и исторического романа (У. Г. Симмс, У.А. Карузерт, Дж.И. Кук, Дж. П. Кеннеди): в изображение исторических событий (Война за независимость, восстание Бэкона) вплетаются плантаторские идеалы. Происходит кристаллизация «кавалерского мифа», подчеркивающего героизм южной аристократии; плантация становится фоном, но не утрачивает своей значимости, оставаясь знаком благородства класса, как и благородства духа, воплощенного героическим мужским персонажем [11].

3. *Идеологизация* (1850-е): публикация романа Г. Бичер-Стоу (1811–1896) «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» (1852) спровоцировала мощную ответную реакцию апологетов Юга: выходит более двадцати романов, обеляющих жизнь на плантации. Большая часть этих романов написана женщинами, развивается ответвление плантаторского романа в виде романа «домашнего очага» (К.Л. Хенц, М.Л. Истман и др.) [3]. Роман К. Хенц (1800–1856) «Северная невеста плантатора» (1854) является «зеркальным отражением» «Хижины дяди Тома»: используя те же клише и жанровые элементы, Хенц меняет оценки, оправдывая южный порядок [4, с. 262–263].

На смену иронии и рефлексии приходит идеализация. Выходит вторая редакция романа «Суоллоу Барн»: в ней Дж.П. Кеннеди смягчает сатиру, убирает некоторые сцены, добавляет предисловие, в котором осуждает стремление Севера унифицировать страну, утверждая, что утрата южного колорита приведет к исчезновению американского колорита как такового. От юнионизма к сецессии переходит и У.Г. Симмс [12] (1806–1870) в романах «Меч и прялка» (1852), «Вперед, на Юг!» (1854) и др.

4. *Стагнация*. В 1860–1870-е гг. большей частью выходят публицистика, мемуары, поэмы, восхваляющие конфедератов и защищающие южный строй. Однако изредка публикуются и романы. Например, роман А. Дж. Эванс (1835–1909) «Макария» (1864) был запрещен для чтения в лагерях юнионистов, настолько привлекательно там был описан Юг [17, с. 976]. Героизация и идеализация конфедератов происходит в романе Дж.И. Кука (1830–1886) «Сарри из Орлиного гнезда» (1866).

5. *Возрождение* (1870–1900-е). После Реконструкции незамедлительно начинается реакция: идеализируется довоенный «старый добрый Юг», интерес к которому возникает и на Севере. В послевоенные годы в литературе «местного колорита» отчетливо просматривается сплетение сентиментальной, фрон-

тирной и менестрельной традиции. Для этого периода характерны «тщательное отношение к языку, прекрасное владение диалогом и диалектом, афористичность» [5, с. 513–514]. Подчеркивается региональная специфика (креольская Луизиана, горные Кентукки и Теннесси, аристократическая Вирджиния); актуализируется устный жанр с комической риторикой, использованием диалектных норм, а самой распространенной формой повествования становится сказ. Прослеживается несколько линий:

1) ностальгическая идеализация и подражательность при нацеленности на консолидацию Севера и Юга.

Т.Н. Пейджу (1853–1922) известность принес сборник «В старой Вирджинии, или Масса Чан и другие истории» (1887), в котором довоенный Юг изображен прекрасной и чистой цивилизацией. Как пишет М.В. Глостанова, Пейдж «постоянно заботился о поддержании и реставрации того мифа о прекрасном прошлом “Старого Юга”, который питал его произведения, тщательно вымарывая из него все темные аспекты. Оставалась дистиллированная мечта, в которой действовали идеальные аристократические герои, даже в стесненных обстоятельствах не терявшие унаследованных от предков благородных качеств» [5, с. 519]. Сам Пейдж провозглашал себя юнионистом, в романе «Два маленьких конфедерата» (1888) он пытается примирить Север и Юг, с особой сентиментальностью рисуя встречу матерей погибших солдат. Однако произведения Пейджа остаются апологией старого Юга, и их не раз обвиняли в пропагандистском характере [13, с. 36–61].

Д.В. Кейбл (1844–1925) – противоречивая фигура: герой Конфедерации, рожденный на Юге, и противник рабства, переехавший в Новую Англию. Его ранние произведения, в числе которых сборник рассказов «Былые времена креолов» (1879), роман «Грандиссимы» (1880), считаются более реалистичными, полемичными и психологически точными, однако в романе «Джон Марч, южанин» (1894) Дж. Кейбл сближается с Т.Н. Пейджем в конвенционально идиллическом изображении Юга;

2) взгляд на «Старый добрый Юг» с другого ракурса: трагедия довоенных образов, показ разорения и разложения Юга.

В произведениях Дж.Ч. Харриса (1848–1908) и Ч.У. Чесната (1858–1932) фокус смещается с аристократических семей. В сборниках рассказов «Минго и другие рассказы в черно-белых тонах» (1884), «Свободный Джо» (1887), «Валаам и его хозяин» (1891) Дж. Ч. Харрис показывает реалии глубокого Юга через призму юго-западной традиции, его герои – простые белые бедняки и негры, рассказывающие как сказки о животных с социально-политическим подтекстом, так и реальные истории. Даже в плантаторском романе «На плантации, или История приключений мальчика из Джорджии во время войны» (1892), скорее идеализирующем плантаторский уклад, в качестве главного героя выступает мальчик из низов («белой голи»), с интересом изучающий новый для него мир плантации.

В центре произведений Ч.У. Чесната (сборники рассказов «Колдунья» (1899), «Жена его юности» (1901), романы «Дом за кедрами» (1900), «Суть традиции»



(1901)) находятся мулаты, рожденные от связей плантатора с рабыней, и негры. Ч.У. Чеснат актуализирует тему пересечения расового барьера, его персонажи живут по правилам плантаторского сословия, пытаются в него вписаться;

3) консервативная модель «крестового похода» в защиту Юга и агрессивная проповедь расовой войны.

Своеобразным «запоздавшим ответом» «Хижине дяди Тома» – если не самому роману, то многочисленным постановкам и короткометражным фильмам по его мотивам, – можно считать роман Т.Ф. Диксона (1864–1946) «Пятна леопарда» (1902), в котором имена персонажей позаимствованы из «Хижины дяди Тома» и выведена карикатура на саму Бичер-Стоу в образе аболиционистки Сьюзан Уолкер из Бостона. Этим произведением открывается «трилогия о Реконструкции» Диксона, в которую также входят романы «Человек клана» (1905) и «Предатель» (1907). Все произведения Т. Диксона направлены на защиту уклада Юга от порядков, навязываемых Севером и ведущих, по мнению писателя, к исчезновению белой расы. Диксон переозначивает топоры аболиционистской прозы, указывает на опасность мисцегенации, которой, по его убеждению, добиваются негры. Так, в романе «Грехи отца» (1912) Диксон выводит образ порочной мулатки, соблазняющей и шантажирующей полковника Конфедерации. Романы, пьесы и экранизации произведений Диксона пользовались на Юге большой популярностью, подогревая атмосферу расовой нетерпимости.

6. *Переосмысление* (1920–1930-е): Р.Д. Грей, Л.Д. Рубин, Х. Холман отмечают парадоксальность того, что Юг переживает литературный расцвет в тот период, когда он фактически перестает существовать. К этому расцвету привели две параллельно движущиеся линии: 1) идеализация старого Юга как «парада ярких личностей» нашла отражение в творчестве и манифестах аграриев (Д.К. Рэнсома, А. Тейта, Э. Лайтла) [2, с. 304–309]; 2) деидеализация Юга, упреки в слепоте и создании ложных мифов отчетливо звучат в романах Э. Глазгоу (1873–1945) «Поле боя» (The Battle-Ground, 1902), «Избавление» (The Deliverance, 1904), «Бесплодная земля» (Barren Ground, 1925) и др. К этому моменту в литературу входит и, пожалуй, самый прославленный писатель Юга – У. Фолкнер, которому осталось «занять свою позицию» в традиции и окончательно ее деконструировать.

### **Топика плантаторского романа**

Топика плантаторского романа является основой традиции, ее «базовым кодом», повторяющимся, хотя и в измененном виде, на протяжении всей истории традиции. Истоки топики разнообразны: пользовавшиеся чрезвычайным успехом исторические романы Вальтера Скотта, сентиментальные романы Ричардсона, дневники У. Бирда и трактаты Т. Джефферсона, трагедии и в меньшей степени комедии Шекспира (особой популярностью пользовалась сюжетная схема «Ромео и Джульетты»), юго-западная традиция фронта, по которой прописывали образы охотников и бандитов, минстрел-шоу, служившие трафаретом для негритянских персонажей, а также готическая литература как оборотная сторона идиллии.

В зарубежном литературоведении, как правило, исследователями (У. Тейлор, Л. Маккитан, К. Сейделл, Т Харрис, П. Шмидт и др.) уделяется внимание не всей топике традиции в комплексе, а какому-либо одному аспекту: персонажу, локусу, времени, языку, сюжетным схемам. В отечественном литературоведении анализ топосов литературной традиции Юга XIX в. проводился И.В. Морозовой, В.В. Переяшкиным, О.Ю. Пановой.

Опираясь на зарубежные и отечественные работы, можно предложить следующую классификацию топосов плантаторской традиции.

### 1. Пространственно-временная топика

Локус плантации [13; 14, с. 17–36]. Большая часть действия плантаторского романа происходит на плантации, которая является моделью Юга в миниатюре. Изначально плантация как окультуренная часть природы сопоставляется с райским садом, Аркадией или феодальным поместьем, в котором все говорит о благословенности. Однако идиллический пейзаж омрачается: реки иссыхают, владельцы разоряются и отдают свое имущество тем, кто его не ценит. За годы войны особняки сторают, поля пустеют и больше не приносят богатый урожай, все вокруг зарастает – природа забирает свое, и на смену благословию приходит проклятье.

Мифологизированное время: легендарное прошлое и безнадежное настоящее [8; 10]. Бытование в плантаторских романах мифологема «золотого века» диктует обращенность Юга к прошлому и обуславливает страх перед историей, все больше отдаляющей от «старого доброго времени». Мифологема «золотого века» применяется к разным этапам. Изначально это было время первооселенцев – легендарных героев, смелых, отчаянных, сумевших подчинить себе как природу, так и ее диких детей-индейцев. Особой популярностью пользовалась история Джона Смита. Со следующими поколениями начинается спад: масштаб личности мельчает, на смену борьбы с природой приходит праздное существование. Вторым героическим моментом в истории признается Война за независимость (1775–1783): ее участники – великие победители, с которыми не сравниться потомкам. Перечисленные два «золотых века» являются составной частью общеамериканской мифологемы, раскол начинается уже в середине XIX в., во многом благодаря деятельности У.Г. Симмса, провозглашавшего победу в Войне за независимость в первую очередь заслугой Юга [1]. Симмс также проводит параллели между освобождением Америки от метрополии и грядущим обретением независимости Юга от Севера: в его произведениях прочитывается призыв сравниться со славными предками [7, с. 48].

После Гражданской войны мифологема «золотого века» застывает в образе «старого доброго Юга». Мужчины и женщины – те, кто пережил или не пережил события войны, разрушившей идиллию, признаются масштабными героическими фигурами, с которыми не смогут сравниться ни их дети, ни даже внуки, участвовавшие в «чужой» Первой мировой войне.

**2. Система персонажей.** В центре плантаторского романа находится устойчивый набор персонажей. Прежде всего это семья плантаторской аристократии: патриарх семейства, южная леди-матрона, старший сын, дочь.



Например, южный джентльмен проходит путь от доблестного «вирджинского кавалера» – потомка английской знати до патриарха [16]. Однако функции хозяина плантации, как правило, лучше выполняет его супруга-матрона, тогда как патриарх занимается политикой, юриспруденцией или же отвлеченным философствованием. Приход Гражданской войны возвращает фигуре патриарха доблесть кавалера – теперь уже кавалера Конфедерации, в котором воплощается мифологема «проигранного дела». Однако лучшим способом сохранить ореол славы становится героическая смерть на войне, поскольку в ином случае джентльмену придется или потерять все во время Реконструкции, или же начать сотрудничать с новым режимом, предавая свой кодекс чести. Южный кодекс чести (великодушие и щедрость по отношению к слабым, гостеприимность, уважительность, сохранение достоинства при общении с равными и высшими, подобострастие перед общественным мнением, преклонение перед пьедесталом Дамы, защита чести на дуэли) является основным регулятором поведения джентльмена [19].

Другая группа устойчивых персонажей – черные слуги, которые восходят к минстрел-шоу [4, с. 193–195]: *няня*, которая ставит благополучие господских детей превыше всего, *дядюшка* – защитник старых ценностей, «*наглый негр*» – бунтовщик, подстрекающий к нарушению существующих порядков. Через аболлиционистскую литературу в минстрел-шоу, а потом и в плантаторский роман приходят ампула *трикстера-обманщика*, *мулатки-красавицы*. В поздний плантаторский роман проникает также ампула *трагического мулата*.

Постоянно встречающимися в плантаторских романах второстепенными персонажами являются: *соседи* плантаторов, которые, однако, в чем-то им уступают – будь то изящность особняка или чистота крови (не англосаксонское происхождение) [16, с. 315–321]; *аутсайдер*, чаще всего навещающий своего друга-наследника плантации [6, с. 329–330]; *поверенный* – человек, по своему социальному статусу находящийся ближе всего к плантаторской аристократии, помогающий ей избежать разорения или же справиться с ним (это может объясняется тем, что авторы плантаторских романов в большинстве своем были юристами, так, у преподобного Т.Ф. Диксона в роли помощника и наставника аристократии будет выступать баптистский священник) [17, с. 418–420]; *делец / ростовщик* – свидетель или даже виновник бед южной аристократии, который приходит на ее место.

**3. Сюжетные схемы.** На протяжении всей традиции повторяется история падения южного аристократического рода и возвышения не-аристократов: изначально дельцов-шотландцев, после войны – бывших надсмотрщиков, белых бедняков и негров. Постоянным элементом также являются мелодраматические элементы сюжета: любовные интриги, соперничество, схватки, роковые тайны [17, с. 479–480]. После войны в романе также актуализируется тема расового смешения в форме тайного пересечения расового барьера, адюльтера (конкубината) или изнасилования [11].

**4. Риторическая топка** – устойчивые формулы и клише, приемы организации нарратива и стилистические ходы в плантаторском романе.

На протяжении всего развития южную литературу отличала ангажированность, которая сводилась главным образом к необходимости апологии Юга в ходе полемики с аболиционистами, Севером, саквояжниками, неграми. При этом повторяются одинаковые топосы, уточняются только цели их применения: сецессия, примирение с Севером, принятие новой действительности.

Целый ряд формул связан с топосом «Юг – цветущий Эдем», «Юг – новая античность», «Юг – новая феодальная Европа». Выстраивается ряд оппозиций; при этом, если изначально Юг противопоставлялся Северу («холодному», «корруптивному», «фанатичному», «проклятому»), то после войны в большей степени актуализируется оппозиция «старый Юг – новый Юг».

Одним из способов передать связь старого и нового становится сказовая композиция: пожилой негр рассказывает истории о былых временах молодому чужаку. Такая композиция позволяет совмещать разные регистры: высокий (образованный слушатель, с которым легко было отождествить себя читателю) и низкий (неграмотный простодушный негр, говорящий на диалекте), благодаря чему создавалась иллюзия объективности повествования.

Этот базовый набор топосов определяет облик и узнаваемость традиции: как в 20-х гг. XIX, так и в 20-х гг. века XX на страницах романов появляются аристократические южные семьи, которые оказываются не в силах противостоять течению времени, их плантации пустеют, дома разрушаются, на место аристократии приходят ловкие дельцы. Плантаторский роман – этап становления литературы Юга, заклеянный современными исследователями как политически ангажированный, расистский и не имеющий художественной ценности, ведь само понятие «южный писатель» на протяжении долгого времени подразумевало приращенность типично южным взглядам, потому литераторы, придерживающиеся независимой позиции, испытывали дискомфорт от подобного статуса – об этом заявляли уже Дж.Ч. Харрис и Дж.В. Кейбл [15, с. 8–10]. Однако существование этой традиции и стало толчком для «южного Ренессанса», предопределив во многом появление мощной ответной реакции южных авторов, среди которых были У. Фолкнер, Р.П. Уоррен, Ф. О’Коннор, У. Стайрон. В их произведениях Юг все же остался избранным – даже если эта избранность обернулась не благословением, а проклятием.

### Библиографический список

1. Алентьева Т.В. Писатель и журналист Юга Уильям Гилмор Симмс: от теории южного национализма к сецессии. URL: <http://america-xix.org.ru/library/alentieva-simms/>
2. Архангельская И.Б. Феномен «Южного Ренессанса» и литература американского Юга в 20–30-х гг. XX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 304–309.
3. Морозова И.В. «Южный миф» в произведениях писательниц Старого Юга. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004.
4. Панова О.Ю. Негритянская литература США 18 – начала 20 века: проблемы истории и интерпретации: дис... д-ра филол. наук. М., 2014.





5. Тлостанова М.В. Литература «местного колорита» // История литературы США. М.: ИМЛИ РАН-Наследие, 2003. Т. 4. С. 514–538.
6. Тлостанова М.В. Литература «старого Юга»: Уильям Гилмор Симмс. Джон Пендлтон Кеннеди // История литературы США. М.: ИМЛИ РАН-Наследие, 1999. Т. 2. С. 320–346. Яценко В.И. Южная школа американского романтизма. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1983.
7. Gerster P. Cords N. Myth and Southern History: The Old South, V. 1. Urbana (IL): University of Illinois Press, 1989.
8. Gunning S. Race, Rape, and Lynching: The Red Record of American Literature, 1890–1912. Oxford: Oxford UP, 1996.
9. Hare J.L. Will the Circle be Unbroken?: Family and Sectionalism in the Virginia Novels of Kennedy, Caruthers, and Tucker, 1830–1845. N.Y.: Routledge, 2002.
10. MacKethan L.H. Genres of Southern Literature. 2004. URL: <http://southernspaces.org/2004/genres-southern-literature>
11. MacKethan L.H. Plantation Romances and Slave Narratives: Symbiotic Genres. 2004. URL: <http://southernspaces.org/2004/plantation-romances-and-slave-narratives-symbiotic-genres>
12. MacKethan L.H. The Dream of Arcady: Place and Time in Southern Literature. Baton Rouge (LA): LSU Press, 1999.
13. Martin M. The Two-Faced New South: The Plantation Tales of Thomas Nelson Page and Charles W. Chesnutt // The Southern Literary Journal. 1998. Vol. 30, № 2. Spring. P. 17–36.
14. Rubin L.D. The Writer in the South. Studies in the Literary Community. Athens (GA): University of Georgia Press, 1972.
15. Taylor W.R. Cavalier and Yankee: The Old South and American National Character. Cambridge (MA): Harvard UP, 1961.
16. The Companion to Southern Literature: Themes, Genres, Places, People, Movements, and Motifs / Ed. J.M. Flora, L. H. MacKethan. Baton Rouge (LA): LSU Press, 2002.
17. Wilson A. Narratives and Counternarrative in The Leopard's Spots and The Marrow of Tradition // The Oxford Handbook of the Literature of U.S. South / Ed. F. Hobson. B. Ladd. Oxford (U.K.): Oxford UP, 2016. P. 212–231.
18. Wyatt-Brown B. Southern Honor: Ethics and Behavior in the Old South. Oxford (U.K.): Oxford UP, 1983.

### **Сведения об авторе**

Володина Анастасия Всеволодовна, доцент эстонского языка, кафедра североевропейских и балтийских языков, Московский государственный институт международных отношений; e-mail: [asya\\_v-07@mail.ru](mailto:asya_v-07@mail.ru)

## ON THE QUESTION OF «THE PLANTER NOVEL» TERM

**A.V. Volodina (Moscow, Russia)**

### Annotation

The article considers the tradition of the planter novel, which existed in the South of the USA in the 19th-20th centuries. The article gives various versions of the term “planter novel” and specifies their content. Besides, the article presents the periodization of the tradition according to different positions: 1) the period of the genre’s existence is limited to 1860-ies., i.e. the existence of the institution of slavery; 2) division into two waves – before the Civil War and after. The main stages of the development of the tradition are singled out. They are inception, flowering, ideologization, stagnation, revival and rethinking. The article also characterizes the main trends at each stage, calls the authors and the works that determined the nature of the tradition. It describes the origins of the topic and defines the code elements of the tradition, which, transformed, are repeated throughout the tradition: space-time topic (plantation locus and mythologized time), character system (patriarch of the family, southern lady-matron, elder son, daughter, black slaves / servants, neighbors, lawyer, businessman), plot schemes (a fall of the south dynasty, racial confusion) and rhetorical topic (stable cliches, for example, “lady flower”). It is proved that the development of the tradition of the planter novel served as an impetus for the emergence of a galaxy of authors who refuted the southern myth in their works.

**Keywords:** *planter novel, literature of the Old South, literature of the South of the USA, southern myth, topic.*

### Bibliograficheskiy spisok

1. Alent’eva T.V. Pisatel’ i zhurnal’ist Iuga Uil’iam Gilmore Simms: ot teorii iuzhnogo natsionalizma k setsessii. URL: <http://america-xix.org.ru/library/alentieva-simms/>.
2. Arkhangel’skaia I.B. Fenomen «Iuzhnogo Rennsansa» i literatura amerikanskogo Iuga v 20–30-kh gg. XX veka // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 6 (1). P. 304–309.
3. Morozova I.V. «Iuzhnyi mif» v proizvedeniakh pisatel’nit Starogo Iuga Saint-Petersburg: Izdvo Sankt-Peterburgskogo gosuniversiteta, 2004.
4. Panova O.Iu. Negritianskaia literatura SShA 18-nachala 20 veka: problemy istorii i interpretatsii: Dissertatsiia doktora filol. Nauk. Moscow, 2014.
5. Tlostanova M.V. Literatura «mestnogo kolorita» // Istoriia literatury SShA. Moscow: IMLI RAN-Nasledie, 2003. T. 4. P. 514–538.
6. Tlostanova M.V. Literatura «starogo Iuga»: Uil’iam Gilmore Simms. Dzhon Pendl’ton Kennedi // Istoriia literatury SShA. Moscow: IMLI RAN-Nasledie 1999. T. 2. С. 320–346.
7. Iatsenko V.I. Iuzhnaia shkola amerikanskogo romantizma. Ivanovo: Ivanovskii gos. un-t, 1983. Gerster P. Cords N. Myth and Southern History: The Old South. V. 1. Urbana (IL): University of Illinois Press, 1989.
8. Gunning S. Race, Rape, and Lynching: The Red Record of American Literature, 1890–1912. Oxford: Oxford UP, 1996.
9. Hare J. L. Will the Circle be Unbroken?: Family and Sectionalism in the Virginia Novels of Kennedy, Caruthers, and Tucker, 1830–1845. N.Y.: Routledge, 2002.
10. MacKethan L.H. Genres of Southern Literature. 2004. URL: <http://southernspaces.org/2004/genres-southern-literature>.
11. MacKethan L.H. Plantation Romances and Slave Narratives: Symbiotic Genres. 2004. URL: <http://southernspaces.org/2004/plantation-romances-and-slave-narratives-symbiotic-genres>.



12. MacKethan L.H. *The Dream of Arcady: Place and Time in Southern Literature*. Baton Rouge (LA): LSU Press, 1999.
13. Martin M. *The Two-Faced New South: The Plantation Tales of Thomas Nelson Page and Charles W. Chesnutt* // *The Southern Literary Journal*. 1998. Vol. 30, № 2. Spring. P. 17–36.
14. Rubin L.D. *The Writer in the South. Studies in the Literary Community*. Athens (GA): University of Georgia Press, 1972.
15. Taylor W.R. *Cavalier and Yankee: The Old South and American National Character*. Cambridge (MA): Harvard UP, 1961.
16. *The Companion to Southern Literature: Themes, Genres, Places, People, Movements, and Motifs* / Ed. J.M. Flora, L. H. MacKethan. – Baton Rouge (LA): LSU Press, 2002.
17. Wilson A. *Narratives and Counternarrative in The Leopard's Spots and The Marrow of Tradition* // *The Oxford Handbook of the Literature of U.S. South* / Ed. F. Hobson. B. Ladd. Oxford (U.K.): Oxford UP, 2016. P. 212–231.
18. Wyatt-Brown B. *Southern Honor: Ethics and Behavior in the Old South*. Oxford (U.K.): Oxford UP, 1983.

### About the author

Volodina Anastasia Vsevolodovna, teacher of Estonian language, Associate Professor of the Department of North European and Baltic languages, MGIMO; e-mail: [asya\\_v-07@mail.ru](mailto:asya_v-07@mail.ru)